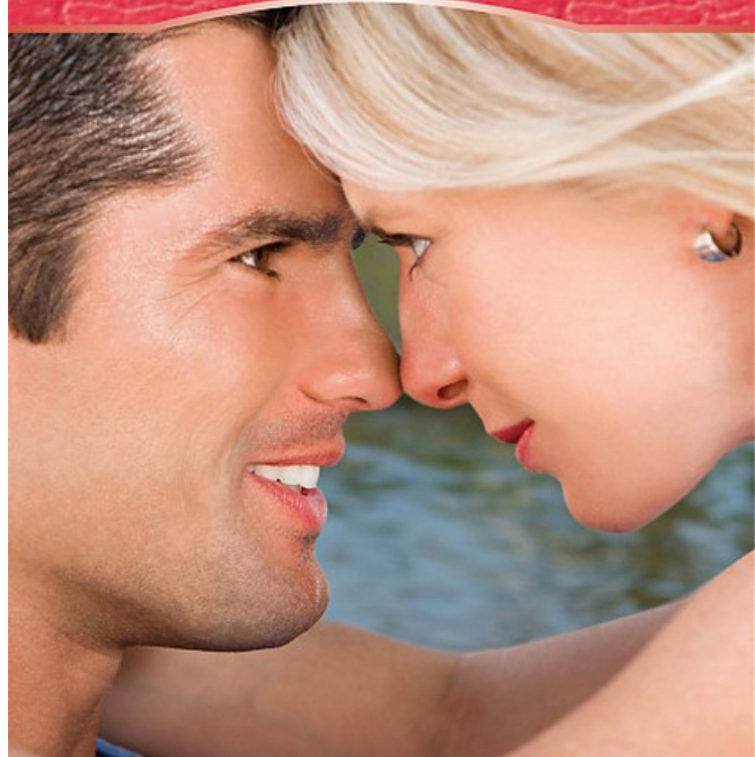

Дана Харсон
Взаимная ошибка

Дана Хадсон

Взаимная ошибка

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811140

Взаимная ошибка: Панорама; Москва; 2011
ISBN 978-5-7024-2767-6

Аннотация

Чикагский бизнесмен Люк Брэтт, оказавшийся по приглашению кинозвезды Глории Линн на вечеринке в ее доме в Голливуде, случайно знакомится с милой девушкой Джейн Кендал. Очарованный, он предлагает ей стать его любовницей, но получает отказ – Джейн любит другого. Недовольный Люк решает зайти с другой стороны и уговаривает Глорию соблазнить возлюбленного Джейн. Но поможет ли это Люку? Сможет ли он возбудить у нее ответные чувства?..

Содержание

1	5
2	35
3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дана Хадсон

Взаимная ошибка

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1

Глория Линн с досадой нахмурила ровно очерченные брови. Все ее попытки увлечь Люка Брэтта бездарно провалились. Он был безукоризненно вежлив, даже галантен, но держался холодно и отстраненно. Она его совершенно не интересовала.

Мельком оглядев себя в зеркальном проеме, отгораживающем холл от комнат, Глория недоуменно пожалала холеными плечами. Бесспорно, она очень хороша: ее зеленые глаза колдовски светятся на трагически бледном лице; нежная прозрачная кожа просит поцелуя; изумрудное, в тон глазам, платье безупречно; бриллианты, сверкающие на белоснежной стройной шее, подчеркивают ее утонченную красоту. Так что же в ней не так? Почему она вот уже столько лет не может вскружить голову тому единственному человеку, который – она это чувствовала – вполне мог бы стать для нее гораздо более значимым, нежели какой-нибудь тривиальный бойфренд, коих у нее перебывало немало?

Понимающий, что на него ведется охота, и совершенно не желающий стать очередным трофеем безжалостной красоты, Люк Брэтт с непроницаемой улыбкой разглядывал светское сборище, устроенное Глорией в своем новом особняке, и чертыхался про себя, не понимая, как он мог сюда приехать, поддавшись на ее сладкоречивые уговоры. Хотя она бы-

ла права, обещая, что здесь будет много полезных для бизнеса людей. Его взгляд выхватывал то одну, то другую знаменитость, при виде которых тысячи поклонников и поклонниц визжали бы от восторга, но ему было отчаянно скучно.

Глория мягко тронула его за рукав.

– Извини, но мне нужно идти. Обязанности хозяйки, сам понимаешь... – И она, широко раскинув руки, будто намереваясь обнять весь земной шар, устремила навстречу очередной паре, появившейся в холле.

К оставшемуся в одиночестве Люку тотчас подошел едва знакомый с ним Крон Болтон. Брэтт так и не мог понять, действительно ли это имя, данное при рождении, или просто дурацкий псевдоним. Болтон снимал второразрядные боевики и мечтал подняться до уровня всемирно известного режиссера.

– Дорогой мой! – Его приторно слащавый голос наводил на мысли об определенных наклонностях, но ни в каких порочащих связях он замечен не был. Хотя это ни о чем и не говорило – возможно, просто хорошо умел скрывать свои интимные предпочтения. – Вы так и не решились сняться у меня в фильме? Я посылал вам сценарий. Довольно забавный, нужно признать. Вы были бы потрясающе хороши в роли или главного героя, или главного злодея. Думаю, вам все по плечу... – И он оценивающим взглядом обвел сухоощавую гибкую фигуру Люка, отчего тот враз почувствовал себя выставленным на продажу жеребцом.

Брэтту не раз говорили, что он весьма и весьма киноголичен и выглядит не хуже большинства из присутствующих здесь знаменитостей. От итальянских предков он унаследовал роскошную гриву черных волос, а от ирландских удивительные глаза, серо-зеленые, меняющие свой цвет в зависимости от настроения. Прекрасная фигура и высокий рост, видимо, тоже были достоянием ирландцев, поскольку его итальянские родственники, до сих пор жившие в предместье Пьемонта, отличались невысоким ростом и приятной округлостью пухлых тел.

С рассеянным видом отхлебнув из хрустального бокала согревшегося шампанского, Брэтт чуть дернул плечом и ответил в такой же небрежной манере:

– Ну, уважаемый, когда мне? Вы же знаете, у меня огромный бизнес. И производство пленки для ваших фильмов вообще не единственное, чем я занимаюсь. Время – это то, чего мне всегда катастрофически не хватает.

Болтон скривился, будто его ткнули носом в грязную лужу.

– Помню, помню, вы же какой-то там король... – При этих словах Люк скосил на него насмешливые глаза, но промолчал. – Но если вам так дорого время, то зачем вы здесь?

Чуть склонившись к собеседнику, будто сообщая нечто чрезвычайно конфиденциальное, Брэтт тихо проговорил:

– Вот и я не могу этого понять. Не смог отказать красивой женщине, наверное...

Это прозвучало с малоприличным намеком, но Люк был уверен: если его слова дойдут до Глории, она будет только рада. Она так давно пыталась его обольстить, именно – обольстить, что эту глуповатую фразу воспримет лишь как приятное доказательство небезуспешности своих попыток.

Чуть слышно хмыкнув, Крон с легким поклоном отошел, а Люк с все тем же неприязненным видом продолжал смотреть по сторонам.

В огромном особняке, обошедшемся Линн почти в десять миллионов долларов, все было сделано по ее желанию. Люк знал, что она сама руководила группой архитекторов, проектировавших особняк, сама наблюдала за строительством, сама занималась декорированием и обстановкой, не жалея ни сил, ни времени. Даже оба бассейна, открытый и закрытый, сооружались под ее плотной опекой. Нужно признать, что получилось весьма и весьма неплохо. Во всяком случае, особняк не походил на нежилой мавзолей из тридцати четырех комнат, как многие в Беверли-Хиллз столь же небольшие домишки.

Вернувшаяся Глория нежно положила руку на локоть Люка и, лукаво поглядывая на него из-под полуопущенных ресниц, проворковала:

– Не скучаете, мой друг?

Брэтт учтиво поклонился и ответил:

– Уже нет...

Она заливисто рассмеялась, обнажив прекрасные ровные

зубки. Люк цинично подумал, что здесь все демонстрируют отменную работу своих дантистов. И он в том числе. Почему-то именно это показалось ему особенно фальшивым. Все эти люди были похожи на продукт чьего-то труда – ни грана своего, все искусственное, отшлифованное и ужасно скучное.

– Если бы я не знала вас столько лет, то решила бы, что вы бьете под меня клинья. Но вы просто ублажаете глупенькую дамочку. Но не бойтесь, я прекрасно знаю свое место... – И она вопросительно посмотрела на своего гостя, ожидая горячих опровержений.

Но тот на удочку не поддался, лишь слегка изогнув в немом вопросе левую бровь.

Изобразив в ответ лучезарную улыбку, разочарованная Глория взглянула на то, что происходит в холле, и тихо застонала:

– О господи! Опять он приплелся с ней! Терпеть не могу наивных дурочек! – И, выпустив руку Брэтта, с наигранно счастливым видом понеслась к новым гостям.

Невольно проследив за ней взглядом, Люк увидел обыкновеннейшую пару. Молодой красавчик в черном смокинге, ладно подчеркивающим разворот широких накачанных плеч, и испуганно цепляющаяся за него милая девочка в мешковатом сидевшем на ней голубом вечернем платье, явно взятом напрокат.

Брэтт и внимания бы на них не обратил, если бы не стран-

ные слова Глории. Заинтригованный, он подошел поближе и услышал восторженные приветствия хозяйки. Можно было подумать, что она и впрямь рада гостям. Вот что значит хорошая актриса!

Красавчик слушал молча, с чуть скептической ухмылкой, говорившей о том, что он прекрасно знает цену ее неумеренным восторгам, а вот его спутница медленно заливалась краской от столь экзальтированных комплиментов известной кинодивы.

Брэтт с некоторым раздражением перевел взгляд от хозяйки к госте и подумал, что таким доверчивым девчушкам здесь и впрямь не место. В ее больших голубых глазах не было ничего, кроме откровенного смущения. Наконец процедура приветствия была закончена, и вновь прибывшие прошли в дом.

С едва видимым пренебрежением сморщив носик, Глория снова вернулась к Люку.

– Сам видишь, кого приходится приглашать!

Брэтт с деланным недоумением повернулся к ней.

– И кого же, не пойму?

Спохватившись, Глория промурлыкала:

– Ах да, ты же их не знаешь! Все время забываю, что ты бываешь в Голливуде слишком редко, чтобы быть в курсе наших новостей!

Брэтт хотел уточнить, что в Голливуде бывает, лишь когда приезжает в Лос-Анджелес по делам, и что вовсе не стремится

ся знать местные сплетни, но не успел. Линн с язвительным воодушевлением поведала:

– Это протезе нашей знаменитости, Олбени! Мальчик снялся у него в триллере «Синий цвет» на втором плане, но разговоров, как о событии века! Кстати, Олбени собирается снимать продолжение, и Макс Хартли снова приглашен!

Сниматься у Олбени Глории не посчастливилось ни разу, и в ее голосе звучали откровенно ревнивые нотки. Брэтт понимающе кивнул головой. У Олбени и в самом деле был нюх на настоящие таланты. Значит, малыш и впрямь не бездарен, если режиссер такого уровня пригласил его в свой новый фильм.

– А что с ним делает эта простушка? – Он и в самом деле не мог понять, для чего на подобную вечеринку, как на заклятие, было тащить эту невинную овечку.

– Что «что»? Живут они вместе. Говорят, практически не расстаются. Не могла же я пригласить его без нее! Он и не пошел бы, я думаю.

Для этого круга такое поведение было на редкость необычным, и Брэтт с невольным уважением посмотрел на парня, кружащего в танце свою подружку. Они казались такой счастливой и самодостаточной парой, что в сердце Люка шевельнулось что-то похожее на зависть.

Прерывая их тет-а-тет, к ним подошел высокий седой мужчина с ироничным блеском в глазах. Брэтт видел его как-то на одной из презентаций своей продукции и знал, что это

один из крупных голливудских продюсеров. Поклонившись с отработанным изяществом, он пригласил Глорию на танец.

– Можно похитить вашу даму, молодой человек?

Брэтт себя молодым не считал, и подобное обращение его слегка посмешило. Он с легкой усмешкой подчеркнул:

– Эта дама – хозяйка этого дома, и, следовательно, принадлежит всем.

Недовольная его двусмысленным ответом, Глория с легким упреком взглянула на него, но Брэтту было все равно. Он радовался освобождению от ее назойливой опеки, надеясь смыться из этого осточертевшего домишки.

Но сделать это оказалось непросто: едва от него отцепилась Глория, как объявились две ярко накрашенные незнакомые девицы. Он прекрасно знал такой сорт людей – они, как акулы, кружили по подобным вечеринкам, во всем ища собственную выгоду. Откровенно предлагая ему свои прелести, девицы с двух сторон ухватились за его руки, и он вынужден был отвечать на их глупости, с откровенным презрением шуря глаза.

Но вот в холле появился сам Олбени, и юные акулы, выпустив сопротивляющуюся добычу из своих цепких ладошек, с восторженными воплями кинулись к нему. Брэтт с облегчением взял со стола новый бокал с шампанским и сделал медленный глоток. Шампанское с силой ударило в нос, и он слегка кашлянул, прочищая горло.

К его удивлению, рядом раздался печальный голосок:

– Я тоже не могу пить шампанское, оно такое колючее...

Стремительно обернувшись, он увидел за своими плечами затаившуюся в небольшой нише подружку Макса Хартли. Она с потеряннным видом разглядывала полный зал.

– Что вы тут делаете? Где ваш друг?

Она улыбнулась с безнадежностью отчаяния.

– Мы же здесь по делу. Макс ищет новые роли. И сейчас он вынужден покружить по залу. А я ему только мешаю.

Брэтт вполне понимал, что подружка и в самом деле может мешать мужчине заводить знакомства с нужными людьми, особенно если среди них преобладают женщины.

– Как вас зовут? – Ему, если честно, это было совершенно неинтересно, но надо же было к ней как-то обращаться.

По ее щекам разлился нежный румянец.

– Извините, нас же не представили друг другу... – По ее тону можно было подумать, что она совершила чудовищный промах, завязав разговор с незнакомцем.

– Действительно. Но мы можем исправить это упущение. Я – Люк Брэтт. – Вынуждая ее подать ему руку, он первым протянул раскрытую ладонь.

– Я Джейн. Джейн Кендал.

– И чем вы занимаетесь, Джейн? – Склонившись, Люк слегка прикоснулся губами к ее руке.

Она вздрогнула, чуть не вырвав у него свою ладонь. Но, спохватившись, тихо ответила, явно смущенная обращением с ней как с высокородной леди:

– Да по сути ничем. Время от времени подрабатываю то здесь, то там...

Люк догадался:

– Это когда денег не хватает?

Она простодушно подтвердила, довольная, что он ее понимает:

– Ну да. На светскую жизнь нужно так много. Один смокинг Макса стоит кучу денег.

Так, так – она, значит, работает, чтобы дружок получше устроился в жизни? Оказавшись такой же пиявкой, как и большинство из приглашенных, Макс враз перестал казаться Брэтту порядочным человеком. Он перевел глаза на тонкую девичью руку, которую до сих пор не выпустил из своей ладони, и внезапно понял, что ему не хочется ее отпускать. От ее пальцев к нему перетекало странное тепло, от которого сердце у него стало биться все сильнее и сильнее.

Прервав воздействие этих необъяснимых флюидов, Джейн вскинула голову и обрадованно проговорила:

– Меня ищет Макс. Спасибо за интересную беседу, но мне пора! – И она быстро, как дрессированная собачка, помчалась на зов хозяина.

Отчего-то Люку стало досадно и одиноко. Он с неким новым интересом посмотрел вслед малышке. А что-то в ней все-таки есть. Женское обаяние, что ли?.. Эта мысль мелькнула в его голове и тихо угасла, когда он выяснил, что у выхода никого нет и возжеланный путь на свободу наконец-то

открыт.

Выскочив из широких дверей, Люк шагом прошел до ожидающего его обычного городского такси, смотрящегося в ряду дорогих помпезных машин на редкость инородно, сел и дал команду уезжать.

В своем номере отеля «Джойс», в котором Люк всегда останавливался, будучи в Лос-Анджелесе, он небрежно швырнул на стул смокинг, бабочку и тонкую батистовую рубашку. Внезапно вспомнив слова новой знакомой о том, какую кучу денег стоит хороший смокинг, с пренебрежительной усмешкой подумал: смотря для кого. Для него он никакой ценности не представляет.

Переодевшись, подумал, что зря не пошел в ресторан – после светских тусовок, на которых, как правило, подавали лишь напитки, он всегда жутко хотел есть. Но в ресторан идти не хотелось. Одна мысль о том, чтобы снова появиться перед десятком любопытных глаз, внушала отвращение. Позвонив и попросив принести ужин в номер, Люк включил телевизор и погонял по экрану телевизионные каналы. Не найдя ничего привлекательного, с проклятиями выключил телевизор и принялся за принесенный ему ужин.

Обычно он ел с аппетитом, но сегодня кусок не лез в горло. В голове почему-то непрестанно вертелись слова новой знакомой о Максе Хартли, и, будь Люк подольше с ней знаком, он бы подумал, что ревнует.

Так и не поняв, с чего у него такое гнусное настроение, лег

в постель, выключил свет и долго еще лежал без сна, плотно закрыв глаза и пытаясь заснуть. Это ему не удавалось, и он приписал свою бессонницу излишней дозе выпитого шампанского, от которого у него тихо шумело в голове и в животе прыгали какие-то непонятные зайчики.

С утра солнце слепило всюду, как обычно в Лос-Анджелесе в августе, но жары еще не было, и Люк Брэтт решил дойти до офиса пешком. Глазея по сторонам, как обычный городской бездельник, он легкими шагами двигался по Сан-Фернандо-Реи-де-Эспанья вдоль типичных для Лос-Анджелеса небольших частных домов в испано-колониальном стиле, вдыхая солоноватый океанский воздух и жалея, что его нельзя захватить с собой в Чикаго.

Легкая рубашка с короткими рукавами и светлые полотняные брюки хорошо сидели на его подтянутом мускулистом теле, и он с удовольствием взглядывал на свое отражение в витринах небольших магазинчиков и летних кафе. Кинув в очередной раз быстрый взгляд на большое зеркальное окно, он внезапно замер – перед ним была известная в Лос-Анджелесе кондитерская Тоджи. Но не прославленное на весь мир имя остановило его взгляд – за выставленными перед кондитерской пустующими столиками под полосатыми тентами суежилась его вчерашняя знакомая Джейн Кендал в узорчатом переднике.

Она деловито сметала крошки с одного из столиков, ловко орудуя зеленоватой салфеткой. На ней были белые шор-

ты до середины бедра, весьма соблазнительно обтягивающие аккуратную попку, белая футболка, подчеркивающая высокую упругую грудь, и Люк внезапно почувствовал себя сто процентным мужчиной. Это было так неожиданно, что он замедлил шаги и присел за крайний столик.

Заметив его, Джейн тут же подбежала и нерешительно замерла, узнав посетителя.

Приветливо поздоровавшись, Люк взял протянутое ему меню и небрежно поинтересовался:

– Значит, это одно из мест, где вы подрабатываете?

С легким сожалением вздохнув, она признала:

– Да я бы постоянно тут работала, мне здесь очень нравится, но мест нет. Сегодня я здесь только потому, что Мариша, здешняя официантка, пошла к врачу и меня попросили подменить ее на пару часиков. Обычно я работаю в соседнем баре. – И она указала подбородком на неприметное серое здание напротив. – Там просто небольшое кафе.

По досаде, сквозившей в ее голосе, Люк понял то, что было недосказано: пьяные клиенты и все, с этим связанное.

Чтобы оправдать свое присутствие, он заказал пару пирожных и чашечку черного кофе. Джейн умчалась выполнять заказ, а он с удовольствием посмотрел вслед ее изящной фигурке. Через пару минут она появилась, грациозно неся небольшой поднос. Люк по привычке приподнялся ей навстречу, но в последний момент вспомнил, что он не на светском рауте, а в обычной уличной кафешке, и вставать,

приветствуя официантку, и тем более забирать у нее поднос, просто нелепо.

Посмеявшись над своими рефлексами, он опустил обратно на место и попросил Джейн составить ему компанию. Чуть поколебавшись, она не решилась отказать. Люк тут же вспомнил ее слова «мы здесь по делу» и понял, что она расценивает свое знакомство с ним как продолжение этого самого «дела». Вдруг пригодится? Отчего-то это его покорило, хотя он и сам нередко поступал точно так же.

Он предложил ей одно из пирожных, но она с сожалением отказалась.

– Они очень вкусные, конечно, но официантам запрещено принимать угощение от посетителей. К тому же и калории лишние...

Он откусил кусочек и не понял, вкусно или нет. В чем дело? Неужели его так занимает эта простенькая девица, сидящая напротив? Это было очень странно, и он спросил, желая привести в порядок взбунтовавшиеся гормоны:

– А где ваш друг? – надеясь услышать что-нибудь отвечающее его мнению о Хартли – типа «отдыхает после вчерашнего банкета», но ошибся.

– На репетиции. Олбени позвал его на продолжение «Синего цвета», а там роль гораздо больше и сложнее. Макс очень нервничает. Бойтся, что не справится...

Люка Брэтта совершенно не волновали переживания Макса Хартли, и сочувственная обеспокоенность, явственно

звучавшая в голосе собеседницы, ему не понравилась. Откусив еще кусочек пирожного и вновь не почувствовав вкуса, он продолжил расспросы:

– Откуда вы приехали? Говор у вас явно не здешний.

Джейн принялась энергично обмахиваться ладошкой, будто ей внезапно стало очень жарко.

– Эльдorado.

Люка удивила краткость ответа. Обычно о родине американцы распространяются много и с удовольствием.

– Это в Канзасе, что ли? Как девочка Дороти в «Мудреце из страны Оз» Баума?

Джейн слегка улыбнулась, но улыбка моментально погасла, сменившись неприязненной гримасой.

В голову Люку тотчас закрались нехорошие подозрения. Чем она там занималась, если ей так не хочется не то что говорить, даже вспоминать об этом самом Эльдorado? Он настойчиво продолжил:

– У вас там родители?

Она отрицательно покачала головой и нехотя проговорила:

– Нет. Там у нас приют. Сиротский. Мы с Максом выросли в приюте.

Люку тут же все стало ясно. Поэтому она так и цепляется за дружка, что, по сути, воспринимает его единственным на весь белый свет родным человеком. Он пристальнее посмотрел на нее. Русые волосы, высокие скулы, голубые гла-

за, нежная, прозрачная, легко краснеющая кожа. Она очень походила на шведку. Или, нет, больше на славянку – польку или даже русскую. Только у них встречается такой пленительный тип неброской красоты – чем больше на них смотришь, тем больше они тебе нравятся.

– Вы ничего не знаете о своих родителях?

– Нет. Только то, что я была оставлена на крыльце полицейского управления Эльдorado. Без всяких записок. Мне было месяца три.

Озабоченно взглянув на дверь кондитерской, девушка попыталась встать, но он остановил ее, властно положив руку на плечо.

– Не спешите, никого ведь нет.

– Хозяин будет сердиться, если увидит меня праздно болтающей с посетителем.

Люк изобразил лучшую из своих улыбок – просительную и покровительственную одновременно.

– Вы же все равно тут временно. Побудьте со мной еще минутку. – И убедительно соврал: – Я не люблю есть в одиночестве. – Она заколебалась, и он, воспользовавшись моментом, снова спросил: – Но почему вы так много работаете? Ведь за роль в «Синем цвете» Хартли должен был получить приличный гонорар.

Джейн чуть слышно вздохнула.

– Он и получил. Но мы отдали его за годовую аренду дома на Беверли-Хиллз. И денег сейчас совсем нет.

Понятно. Мальчуган лезет наверх всеми силами, не жалея ни себя, ни свою подружку. Люк знал дюжину подобных случаев. Половина из этих носом роющих землю мальчиков и девочек срывалась и падала вниз, уходя в неизвестность. А другая, вылезая наверх, как правило, напрочь забывала тех, кто помогал им подняться. Интересно, что ждет эту наивную и доверчивую девчушку?

Из открытого окна кондитерской по округе разнесся властный окрик: «Кендал!». Наскоро попрощавшись, Джейн немедленно вскочила и опрометью кинулась в кондитерскую, чтобы, как был уверен Люк, смиренно выслушать выволочку.

Ему до ужаса захотелось зайти в кондитерскую и врезать в глаз тому, кто так небрежно обращался с девушкой. Поймав себя на подобных мыслях, он искренне удивился. Что это с ним? Он ведь и сам считал, что в обращении с подчиненными нужна разумная строгость, – так с чего у него возникло столь неадекватное желание? Настроение безвозвратно испортилось, и он, положив под одноразовую тарелку бумажку достоинством намного больше, чем стоило десять принесенных ему пирожных, быстрыми шагами пошел дальше, стараясь энергичным движением погасить забушевавшую внутри агрессивность.

К вечеру, закончив все дела и изрядно устав, Люк вызвал такси и, проезжая мимо кондитерской, оглядел летние столики, за которыми на сей раз сидело полно самого раз-

номастного народа. Но Джейн здесь уже не было. Между столиков с широкой приветственной улыбкой летала совсем другая девушка. Прищурившись, Люк оценивающим взглядом окинул неприметное здание, где работала Джейн, и чуть было не приказал шоферу остановиться. Вовремя опомнившись, всю дорогу неодобрительно покачивал головой, удивляясь своим нелепым желаниям. К чему ему подобные приключения? Он далеко уже не мальчик с неподдающимися контролю инстинктами.

Приехав в «Джойс», Люк сложил вещи, поскольку чартерный рейс был назначен на семь утра, и улегся в удобную постель, надеясь, что после прошлой бессонной ночи его уставший организм уснет без особого сопротивления.

И в самом деле, заснул он почти сразу, но вскоре вдруг резко сел в кровати, не понимая, что же его разбудило. Может быть, какой-нибудь шум? Но вокруг было абсолютно тихо, спокойно, как и подобает в приличном отеле.

В голове всплыл образ Джейн, и Люк понял, что ему нужно непременно ее увидеть и поговорить. Интересно, сколько сейчас времени? Он схватил сотовый, и дисплей высветил полпервого ночи. Кафе еще должно работать! Но вот только нет ли там Хартли? Вот уж с кем ему вовсе не хотелось встречаться.

Не в силах преодолеть охвативший его чудной каприз, Люк поднялся, надел черные джинсы с темной безрукавкой, став точь-в-точь как нахальный рокер, гоняющий по ночам

по безлюдным улицам на ревущем мотоцикле. Этот новый имидж его и посмешил, и обескуражил – уж слишком не соответствовал его представлению о добропорядочном бизнесмене.

Удивленный диковинным видом постояльца, портье не сразу сориентировался и пришел в себя только после строгого приказа вызвать такси. Таксист, молодой парень с широкой насмешливой улыбкой, оскалился еще больше, услышав странную просьбу пассажира ехать по приметам – адреса тот не знал. С трудом ориентируясь на ночных улицах, в темноте выглядевших совсем иначе, чем днем, Люк наконец приказал остановиться возле нужного ему кафе. Расплатился с насвистывающим скандальный мотивчик водителем и прошел внутрь.

Там царила вполне привычная для такого рода заведений атмосфера – то есть было очень шумно, дымно и почти ничего не видно из-за чересчур яркой иллюминации. Люку едва удалось найти свободный столик, и он шлепнулся на стул, кляня свои странные прихоти, Джейн и ее идиотского дружка. Если бы он был на месте Хартли, никогда не позволил бы своей подружке работать в подобном месте.

Приглядевшись, он заметил Джейн – она ловко сновала между столиками, разнося виски, пиво и содовую. Это его удивило – обычно работа в баре предполагала стояние за стойкой, а не беганье по залу. Но, может быть, она опять кого-то подменяет?

Воспользовавшись тем, что Джейн, отдав заказанное пиво и получив деньги, пробежала мимо, он перехватил ее и попытался усадить за свой столик. Сначала она хотела возмутиться, но, узнав его, улыбнулась и, наклонившись к его уху, прокричала, перекрикивая грохот музыки:

– Мне некогда, простите! Много работы! – И умчалась, оставив его сумрачно оглядывать полный зал.

Кафе было набито волосатыми и бородатыми юнцами, многие из которых были уже изрядно под кайфом, причем Люку показалось, что главной причиной тому служил даже не алкоголь – здесь явно не обошлось и без наркотиков. Это ему решительно не понравилось, но он терпеливо дожидался своего часа, досадуя, что не взглянул на вывеску у входа и не узнал, во сколько заканчивает работу эта мерзкая забегаловка.

Прошел почти час. Люк, у которого от громкой музыки и запаха дешевого табака начала болеть голова, злился все больше и больше. Он уже хотел выйти и подождать Джейн на улице, когда в углу возникла какая-то потасовка. Дюжие охранники решительно двинулись туда, но даже после их вмешательства драка не прекратилась. Внезапно сквозь грохочущую музыку Люк услышал слабый крик: «Помогите!» – и повернулся на возглас. Около дверей на кухню стояла Джейн и отбивалась от пары молодчиков, пытающихся отобрать у нее выручку. Она упорно не отдавала деньги, хотя они безжалостно выкручивали ей руки, крича в ухо угрозы.

На помощь ей никто не спешил – кто сам участвовал в драке, а кто наблюдал за происходящим, находясь в другом конце помещения. Но зато зал был почти пуст, и Люк, беспрепятственно очутившись возле парней, быстрым и жестким ударом вырубил одного из них. Другой, обернувшись, завопил:

– Какого черта! В рай захотел, старикан? – но тут же замолчал, получив добротный удар в челюсть и растянувшись на полу как гуттаперчевая кукла.

Освобожденная девушка, даже не поблагодарив спасителя, метнулась на кухню. Люк растерянно оглянулся, не зная, что делать дальше. Придут на выручку этим двоим подельники или парочка действовала на свой страх и риск? Скорее всего, первое – свалка в углу была рассчитана именно на отвлечение охранников от их прямых обязанностей.

Но тут из подсобки появилась Джейн. С испугом посмотрев на лежащих на земле парней, проговорила:

– Спасибо вам. А то мне пришлось бы возмещать недостачу из своих денег. – На возмущенный возглас Люка она покорно добавила: – Здесь так положено. Нужно быть очень осторожной.

– А где полиция?

– Ее никто никогда не зовет. Зачем? Неприятностей и без нее хватает.

Но на этот раз, видимо, кто-то все-таки вызвал копов. А возможно, они и сами решили проверить неблагонадежное

местечко. Во всяком случае, у входа внезапно завывла сирена и кто-то завопил:

– Облава!

Публика бросилась к дверям запасного выхода, но там уже стояло несколько вооруженных полицейских. Во внезапно наступившей угрожающей тишине прозвучал властный голос:

– Всем оставаться на своих местах! Приготовить документы!

Люк застонал вслух – как он объяснит свое пребывание в подобном месте? Наверняка о его неосмотрительном поступке станет известно журналистам и его безукоризненный имидж будет вывален в грязь. По своему опыту он знал, что папарацци из любого пустяка раздуют такой скандал, что только держись.

Тут же, будто услышав его опасения, у входа защелкали фотовспышки, а он расстроено прошептал:

– Вот накаркал, черт!

Оглянувшись вокруг, Джейн ухватила его за руку и потащила за собой. Они пронеслись по узкому коридорчику мимо заваленной какими-то старыми шмотками лестницы и оказались в тесной темной камерке. Осторожно пошарив вокруг, девушка отодвинула от стены шкаф на шарнирах, с трудом отворила спрятанную за ним тяжелую дверь и вывела Люка в полутемный переулок. У него отлегло от сердца, и он решил, что эта полуподпольная кафешка экипирована сред-

ствами спасения не хуже, чем какой-нибудь средневековый замок.

Притворив дверь, Джейн на цыпочках пошла по пустынной и гулкой улице, не выпуская руки Люка. Он послушно шел за ней, боясь проронить и слово. Она успела стянуть с себя передник и осталась в светлой майке и темных шортах, превратившись в обычную девчонку. Он внезапно почувствовал себя очень старым. Хотя это было глупо: тридцать пять – вовсе не старость, а, наоборот, расцвет жизни. Но вот только эта шедшая рядом девчонка доказывала, что, пока он делал деньги, на земле появилось новое поколение.

Нагнувшись к ней, Люк хрипловато спросил:

– Сколько вам лет?

Она с изумлением оглянулась на него, не понимая, откуда подобный интерес в такой ситуации, но тихо ответила:

– Двадцать четыре.

Люк поразился. Надо же! А он-то считал, что ей не более семнадцати. Хотя, конечно, в Лос-Анджелесе женщины особенно хорошо умеют хранить красоту и молодость – все-таки здесь находится фабрика киногорез.

Он хотел что-то сказать, но она испуганно прижала палец к губам и предупреждающе махнула рукой куда-то вперед. Через пару минут послышалось угрюмое урчание мотора и перед ними остановилась полицейская машина. Из нее выбрался хмурый офицер, небрежно козырнул и потребовал документы.

Джейн испуганно забормотала:

– Но у меня с собой ничего нет, я не думала, что так случится...

Успокаивающе сжав ей руку, Люк вытащил из кармана джинсов права и протянул их подозрительно оглядывающему его сержанту. Посмотрев на удостоверение, тот удивленно спросил:

– Вы из Чикаго, сэр? Но что вы делаете в такое время в трущобах Лос-Анджелеса?

Люк досадливо пожал плечами.

– Кто бы мне это объяснил, поскольку я и сам не знаю. Просто моя подруга решила поближе познакомиться с ночным Лос-Анджелесом – она, знаете ли, весьма романтическая особа. И водитель такси привез нас сюда. Наверное, вздумал пошутить или решил, что здесь самая характерная для Калифорнии ночная жизнь.

Полисмен изучающе посмотрел на девушку, прекрасно видимую в ярком свете фар. От смущения она ужасно покраснела и попыталась спрятаться за спину спутника.

– Да уж, порой эти бабы из нас полных дураков делают. Но где вы остановились?

Услышав название одного из самых престижных отелей города, он почтительно предложил:

– Может быть, вас подвезти? А то такси вам тут точно не дождаться.

Тут Джейн чуть все не испортила, заявив:

– Но я вполне могу вызвать такси по сотовому.

Ее оговоркой тут же воспользовался коп:

– Вы знаете нужные телефоны и где сейчас находитесь?

Джейн неуверенным языком кое-как пролепетала:

– Нет... Но ведь вы можете нам это сказать?

Укоризненно покачав головой, Люк заметил:

– А не лучше ли будет, дорогая, если нас просто подвезут?

Все равно мы больше никуда не собирались. Я не думаю, что это далеко. Во всяком случае, сюда мы ехали недолго.

Чтобы не вызывать ненужные подозрения, ей пришлось согласиться.

Сев в машину, он почувствовал, что Джейн мелко трясется от возбуждения и страха, и обхватил ее за плечи, пытаясь согреть и успокоить. До гостиницы они добрались за десять минут – гораздо быстрее, чем днем по забитым транспортом улицам. Проверая, здесь или нет они проживают, полисмен прошел вместе с ними в фойе. Обеспокоенный долгим отсутствием постояльца, портье немедленно двинулся им навстречу. Увидев, что все в порядке, он поклонился и спросил:

– Доброй ночи, мистер Брэтт! Познакомились с ночным Лос-Анджелесом?

Тот кивнул, язвительно заявив, что вполне удовлетворен подобным знакомством, и попросил подать в номер две чашечки чая. Успокоенный сержант вежливо распрощался и вышел. Джейн хотела броситься следом, но Люк ее не пустил. Мертвой хваткой взяв за локоть, повлек к лифту.

Она даже вырываться не посмела, провожаемая пристальным взглядом портье.

Зайдя в номер, Джейн возмущенно прошипела:

– За кого вы меня принимаете, затаскивая к себе?

Упав в кресло, Люк устало ответил:

– За порядочную девушку, которой ни к чему в одиночестве шататься по ночным улицам, рискуя нарваться на неприятности. Почему вас не встречает Хартли?

Джейн тотчас растеряла свой боевой пыл.

– У него в контракте стоит пункт: никаких приводов в полицию, никаких синяков и шишек, уродующих внешность. Он просто не может рисковать.

Люк негромко выругался.

– А ты, значит, можешь? Свинья он, по моему мнению!

Она отчаянно затрясла головой.

– Нет, нет, что вы! Он очень обо мне беспокоится...

Будто подтверждая эти слова, в ее кармане тоненько запиликал сотовый. Выхватив его, Джейн принялась виновато оправдываться:

– Да, я знаю, что уже поздно, но у нас была облава и мне пришлось бежать. Ты не волнуйся, я сейчас у знакомой. – При этих словах Люк криво усмехнулся, подошел к бару и плеснул себе виски. – Не знаю, стоит ли вызывать такси, ведь документов у меня с собой нет, вдруг остановит патруль – что мне тогда говорить? Меня же вполне могут загрести в участок.

Видимо, подобная перспектива не устроила Хартли, потому что Джейн покорно ответила:

– Да, конечно... – И выключила телефон.

Люк и без ее объяснений все понял.

– Похоже, в его контракте стоит еще один пункт – не светиться ни в каких сомнительных историях. А если его подруга попадет ночью в полицию – это самая настоящая сомнительная история. Не так ли?

Она обреченно взглянула на Люка, не зная, что ответить, но ее выручил деликатный стук в дверь. После разрешения войти сонный официант закатил в номер тележку с чаем, к которому полагался целый набор пирожных и фруктов.

Усадив Джейн напротив себя, Люк стал с удовольствием наблюдать, с каким аппетитом она ест. Это было непривычно – обычно его приятельницы, тщательно следя за своей фигурой, позволяли себе проглотить в лучшем случае легкий салатик. И то, что Джейн ничуть не беспокоилась о толщине собственной талии, было пикантно и приятно.

Наевшись, она сонно покачнулась в кресле, но тут же извинилась за то, что чуть не потеряла над собой контроль. Было видно, что она очень устала, но, несмотря на это, в дальнейшем сидела, выправив спину и изо всех сил стараясь не задремать.

Люк хмуро молчал, что-то обдумывая. Наконец, решившись, спокойно спросил:

– Что ты собираешься делать дальше?

Немного удивившись, Джейн ответила:

– Как только рассветет, поеду домой. А вечером – снова на работу.

– И сколько времени ты планируешь так жить?

Она озадачилась.

– Что значит – сколько? Сколько будет нужно.

– Кому нужно? Хартли? А ты не предполагаешь, что, едва он получит то, к чему стремится, славу и деньги, ты станешь ненужным балластом, который он при первом же удобном случае выбросит за борт?

Джейн посмотрела на него испуганно и оскорбленно, но без удивления. Видимо, эта мысль не раз приходила и ей. Но все же возразила, будто стараясь убедить в своей правоте не только своего оппонента, но и себя:

– Мы слишком много значим друг для друга, чтобы предать. Мы так долго были вместе, столько пережили, что дороже друг друга у нас никого нет!

Люк тяжело вздохнул.

– Не обольщайся. Это сейчас он тобой дорожит, поскольку ты его, по сути, содержишь, но, стоит появиться на горизонте особе чуть-чуть поперспективнее, он о тебе тут же забудет. Для него главное – деньги и карьера, а вовсе не ты. Тебя же он просто использует!

Джейн обиженными и беззащитными глазами уставилась на Люка, с трудом сдерживая слезы.

– Зачем вы мне это говорите?

Он решил идти ва-банк.

– Да чтобы ты поняла, что тебя ждет, если ты останешься с Хартли. – Немного помолчав, значительно произнес: – Я предлагаю тебе оставить его и уехать со мной. Так сказать, просто опередить события.

Она непонимающим взглядом уставилась, на него, не в силах осознать сделанное им предложение. Мягко погладив ее по бледной щеке, Люк продолжил:

– Со мной ты ни в чем не будешь нуждаться. И работать тебе тоже не придется. Ну а когда нашим отношениям придет конец, что, я думаю, наступит нескоро, ты получишь вполне достаточный счет в банке, чтобы и дальше жить безбедно. Ты и учиться сможешь, если захочешь. – Его завлекающий голос был подобен голосу змея-искусителя, обольщающего Еву в райском саду.

Джейн молчала, обдумывая его предложение, и чем дольше длилось молчание, тем безнадежнее что-то ныло в душе Люка.

Наконец она вскинула на него потемневшие глаза.

– А я-то никак не могла понять, для чего вы притащились сегодня в нашу кафешку – это совершенно не ваш уровень. А вы просто побаловаться захотели. – И добавила внезапно построжевшим тоном: – Мне ваше предложение кажется крайне вздорным и непорядочным. Зачем я вам? Надоели томные красотишки и захотелось чего-то попроще, от навозной кучи? Но я не собираюсь предавать Макса, я его люблю. – От

этой категоричной фразы в животе у Люка что-то мелко завибрировало, и он машинально растер диафрагму. Не обращая внимания на его болезненные жесты, Джейн продолжила: – Так что извините, но на ваше сногшибательное предложение мне ответить нечем.

Со словами «рассвело, мне пора домой» она встала и отстраненно, как совершенно чужого и не слишком приятного человека, поблагодарила его за помощь.

Очнувшись от охватившего его непомерного разочарования, Люк кинулся за ней. Остановив ее у самой двери, он развернул Джейн и прильнул к ее губам требовательным и жарким поцелуем. От пряного вкуса ее губ его тотчас затрясло как в лихорадке. Он вдруг почувствовал небывалое вожделение и хрипло застонал. Скользящим движением вывернувшись из-под его требовательной руки, Джейн прошептала:

– Извините, но я этого не хочу, – и быстро вышла, аккуратно прикрыв за собой двери.

Люк обессиленно прислонился к стене, яростно внушая себе, что это просто дурацкая блажь и скоро пройдет. В его судьбе эта несговорчивая девица никакой особой роли не играет – у него и без нее найдется немало утешительниц.

С момента памятной встречи прошло полгода. За это время Люк Брэтт вел полнокровную жизнь стопроцентного мужчины – усердно работал и столь же усердно развлекался. Он будто доказывал сам себе, что ничего не потерял от отказа какой-то провинциальной девицы разделить, пусть и ненадолго, его жизнь и постель. Каждый уик-энд катался с очередной подружкой то в Нью-Йорк на очередную бродвейскую премьеру, то на пляжи Майами, а пару раз даже летал на неделю в Европу, по пути навещая своих итальянских родственников.

Его мать, давно живущая в Хьюстоне, не могла взять в толк, что случилось с ее таким деловитым и сдержанным сыном – он будто с цепи сорвался. Или пытался кого-то забыть? Выясняя, в чем дело, она проявила недюжинную проницательность, и Люк был рад, что по телефону не видно глаз, иначе она все поняла бы и без слов, а ему ни к чему лишняя соль на еще свежую рану.

Он и без того не мог понять, почему отказ какой-то простенькой девчонки такой болью отозвался в его душе. Более

того, предпринятые им способы лечения, похоже, не давали никаких результатов. Ему все так же снилась Джейн – то в жарких эротических снах, и тогда он просыпался весь в поту от неудовлетворенной страсти и весь день метался, мечтая воплотить в жизнь свои фантазии, то в нежных, мягких, почти сказочных сновидениях, и тогда поутру он ни на чем не мог сосредоточиться, вспоминая обжигающе нежное чувство, испытанное им.

И когда ему вновь позвонила Глория Линн, приглашая стать ее кавалером на вечеринке у Олбени, посвященной завершению съемок фильма «Синий цвет-2», он не раздумывая согласился.

Обнадеженная его быстрым согласием Глория встречала его у трапа самолета. Как обычно, вокруг кинозвезды крутились папарацци, оттираемые ее охранниками. Завидев Люка, она радостно вскрикнула и бросилась к нему, запечатлев на его губах страстный поцелуй.

Ему захотелось вытереть рот, но он, сдержавшись, лишь прошипел:

– Что тебе на это скажет Луиджи?

Луиджи Карреро был очередным любовником Глории, и он в самом деле имел кое-какие основания для недовольства ею, но на вопрос Люка она лишь тихо рассмеялась.

– Ах, милый, что тебе до него? Надеюсь, ты не ревнуешь? – И она испытующе взглянула ему в глаза.

Он не ревновал, и Глория огорченно вздохнула. Она еще

не оставила надежды заполучить его в свою постель. Люку не нравились щелкающие со всех сторон затворы фотокамер, но он ничего не мог поделать. А, впрочем, какая разница? Одной фотографией больше, одной меньше: в последнее время он и без того непрестанно мелькал на страницах желтой прессы, без конца давая папарацци поводы для дурацких домыслов.

Они с Глорией чинно, под руку, будто давно женатая пара, пошли к выходу, причем она прижалась щекой к его плечу, изображая соскучившуюся по мужу женушку. Люка ее актерство изрядно раздражало, но он терпел. Еще не время открывать карты. Она была ему нужна для одного щекотливого неотложного дельца.

Приехав с ним в отель «Джойс», Глория неохотно распросалась, ей надо было ехать к своему стилисту, чтобы достойно выглядеть вечером, и Люк с вздохом облегчения остался один. Пустое кокетство кинозвезды его изрядно утомило.

Его снова поселили в привычном люксе, и он с гневом, смешанным с сожалением, посмотрел на кресло, в котором в ту памятную ночь сидела Джейн Кендал и говорила такие правильные речи. Интересно, она и теперь так же думает или жизнь все-таки внесла свои коррективы в ее благородные намерения?

Подходил вечер, и Люк принялся готовиться. Делал он это с тем же рвением, с каким юная девица в первый раз собирается на свидание. В очередной раз переменив рубашку и

бросив на кресло невесть какую по счету бабочку, он всерьез разозлился на свою смешную нервозность и надел то, что попало под руку.

Зазвонил сотовый, и в трубке раздался воркующий голос Глории:

– Милый, я жду тебя внизу!

Люк собирался взять такси, чтобы не зависеть от капризов избалованной дамочки, но делать было нечего – он спустился, чуть скривив от недовольства чувственный рот.

Приехав в дом Олбени, Люк удивился отсутствию помпезности и внешнего шика. Было просторно, уютно, но не более. Занятые в фильме актеры уже разгуливали по широкой террасе, держа в руках обязательные бокалы с напитками. Хартли с подругой среди них не было. Люк подождал еще немного, но они не появились. На лбу у него выступил холодный пот. Если они не придут, то для чего тогда он здесь?

Люк уже хотел спросить о них у хозяина, стоящего рядом с ними и из вежливости выслушивающего фантасмагорические прожекты Глории, когда краем глаза заметил движение возле входа. Обернувшийся на шум Олбени заметил:

– А вот и наша восходящая звезда. Макс Хартли сыграл очень даже неплохо. Возможно, я приглашу его и в свой следующий фильм. У парня большой потенциал.

Чуть прищурившись, чтобы не выдать своей страстной заинтересованности, Люк тоже повернулся и с затаенным вздохом облегчения уставился на спутницу Хартли. На сей раз

Джейн была в прекрасно сидящем на ней серебристом платье, вполне соответствовавшем смокингу Макса. Это не понравилось Люку, так как говорило о том, что Хартли ценит свою подругу куда больше, чем бы ему, Люку, хотелось. Нудно, у него еще есть в рукаве припрятанные козыри.

Выждав для приличия некоторое время, он извинился перед недовольной Глорией, отошел от нее и пригласил на танец Джейн. Они медленно кружились в вальсе, который кроме них танцевали еще три пары. Он пристально разглядывал ее лицо, отмечая на нем следы усталости, а она неловко ежилась под этим бесцеремонным взглядом.

– Ну как, ты не переменяла свое мнение? – Он изо всех сил старался придать своему голосу небрежную снисходительность, но тот все равно подозрительно дрогнул.

Джейн вскинула на него недоуменный взгляд.

– Нет, конечно. С чего бы это? Кстати, чтобы вы знали: Макс получил достойный гонорар, и я больше не работаю. Я учусь. В лос-анджелесском технологическом колледже.

В ее голосе звучала такая горделивая радость, что Люк мысленно застонал. Как ему хотелось, чтобы она передумала и ему не пришлось прибегать к тому плану, что вызрел у него бессонными ночами! Он молча наклонил голову набок, скрывая свое разочарование.

– Ну что ж. Как говорится, вольному воля... – С этими словами он отвел ее обратно, поклонился и направился к Глории.

Та мило болтала с одним из актеров, но оставила его на полуслове, едва рядом появился Брэтт.

– Что это с тобой? – спросила она, отведя его в сторонку. – Ты смотрел на эту дурочку таким взглядом, будто съесть хотел, причем без соли. С ума ты, что ли, сошел?

Он невесело усмехнулся, принимая ее упрек.

– Ага. Почти. И хочу, чтобы ты мне помогла.

Его голос звучал с таким напором, что Глория, осторожно оглянувшись по сторонам, испуганно прошептала:

– В чем я должна тебе помочь?

Люк откровенно предложил:

– Уведи этого парня, Макса Хартли.

– Как увести? Куда? – От изумления у нее некрасиво выпучились большие глаза, делая ее похожей на удивленную сову.

– Ну, отбей его у этой девчонки. Только и всего. Для тебя ведь это не проблема.

Глория гордо выпрямила спину.

– Так вот для чего я тебе нужна?! Не выйдет! Я в такие игры не играю!

Люк только усмехнулся в ответ на эту демонстрацию добродетельности и независимости.

– А ты не помнишь, что должна мне кое-что?

Это было сказано с достаточной долей категоричности, и Глория притихла, с досадой закусив нижнюю губу. Десять лет назад, в самом начале ее карьеры, Люк Брэтт, подав-

шись на уговоры ее тогдашнего друга, вместе с которым учился в Гарварде, спонсировал фильм с ее участием. Фильм не удался, но не был таким уж бесполезным: именно в нем ее заметили серьезные продюсеры – и после его проката, пусть и провалившегося, ее дела пошли в гору. Но у Люка остались подписанные ею векселя, на которые за прошедшие годы выросли изрядные проценты. Глория прекрасно понимала: стоит лишь ему предъявить их к оплате, как она окажется полным банкротом.

Чуть покраснев от досады, она зло прошипела:

– Ты что, так запал на эту пастушку, что собираешься учудить подобный срам? А ведь это точно срам – разбивать любящую пару! Да еще таким дурацким способом!

Они одновременно посмотрели на эту любящую пару. В этот момент Джейн жалась возле стенки, стараясь быть как можно менее заметной, а Макс, изображая записного бонвивана, отплясывал рок-н-ролл с одной из актрис, блиставших в «Синем цвете». Он с таким откровенным вожделением смотрел на ее губы, что Люк язвительно повторил:

– Да, ты права – очень, очень любящая пара. – И сухо бросил: – Что тебя смущает? Считай, что это просто очередная роль с достойным вознаграждением. Если мой план удастся, ты получишь обратно все свои векселя.

Глория по-плебейски почесала в затылке – порой сказывалось детство, проведенное на пастбищах Техаса.

– Ладно, я подумаю.

Люк сурово заявил:

– Некогда думать. Надо действовать. И давай-ка начинай, пока есть удобный случай.

Недовольно сверкнув зелеными очами, Глория все же отправилась поближе к закончившему танец Хартли, а Люк с трудом удержался, чтобы не подойти к удрученной Джейн. Неужели она и в самом деле считает, что ее милый налаживает деловые контакты? Разве можно быть такой наивной?

Наблюдая издали за изящной игрой Глории Линн, Люк отдал ей должное: она вела себя не как сексуальная дурочка, не как вульгарная женщина-вамп, нет, это была разумная светская дама. Он с восхищением следил за ее выступлением. Она ни одной секунды не пыталась ослепить или возбудить Макса – тот бы в один момент раскусил ее игру, он и сам был хорошим актером. Завязав светскую беседу, она даже внутренне зажатую Джейн пыталась вовлечь в их непринужденную болтовню – другими словами, предстала простой и милой женщиной, но интеллектуальной и образованной, рядом с которой Джейн выглядела до ужаса скучной и примитивной.

Люк по-мефистофельски усмехался, глядя, как мальчишка все больше и больше тает под взглядами великолепной обманщицы. Порой, когда он бросал проверяющие взгляды на Джейн, ему становилось ее искренне жаль, настолько удрученным и потерянным было ее лицо. Но что же делать, если по-другому невозможно? Как бы он хотел обойтись малой

кровью...

Но вот Глория решила, что на сегодня сделала достаточно, и, небрежно помахивая сумочкой, прошла к буфету, где положила себе немного еды. Чтобы не дать Хартли ни малейшей возможности заподозрить его в режиссуре этой забавной комедии, Люк не подошел к ней, а пригласил на танец ту самую девицу, которой тот строил глазки.

Более часа повращавшись среди знакомых, Глория призывно глянула в его сторону и не спеша отправилась к выходу. Люк вышел из дома и подошел к машине Глории.

Та уже сидела в салоне, отделившись от водителя звуко- непроницаемой перегородкой, и, изящно оттопырив мизинчик, закуривала длинную пахитоску. Люк не курил, считая этот вид бытовой наркомании недостойным себя, поэтому безглаголиво поморщился. Глория заметила его недовольство, но курить не прекратила.

– Надеюсь, ты не станешь упрекать меня в некоторой вздрюченности? Я впервые в жизни разбиваю сердца.

Люк укоряюще наклонил голову.

– Ой ли? А если посчитать?

Она сердито отмахнулась.

– Если ты про мужиков, то, уверяю тебя, у них такого органа нет. Ты, кстати, тому пример. Я про Джейн.

Он враз подтянулся.

– Я тоже думаю о ней. Как, по-твоему, долго еще этот Макс продержит ее возле себя?

Глория чуток призадумалась.

– Ну, до главной роли, я думаю. А она явно не за горами.

– Вот и я в этом же уверен. И с чем тогда останется девушка?

Глория усмехнулась, пряча горечь за высокомерной гримасой.

– Я это тоже проходила. Ни с чем, естественно.

– Но ты-то женщина с характером и этому своему бывшему хахалю нос утерла. Теперь он жалкий спившийся актер, а ты суперзвезда, можно сказать, национальное достояние.

На это Глория удовлетворенно кивнула головой, припомнив, с каким наслаждением сделала вид, что не помнит Фрэнка, оставившего ее двенадцать лет назад без цента в кармане, когда тот робко подошел к ней на каком-то приеме.

– А вот Кендал – она не чета тебе. В ней нет амбиций и, думаю, особых талантов тоже нет. Поэтому без мужчины она просто пропадет. Так что мы с тобой делаем благое дело. – Люк не стал уточнять, без какого мужчины она пропадет, но и без пояснений было ясно, что он имел в виду себя.

Глория не поверила, но протестовать не стала. Лишь предупредила, продемонстрировав так не свойственную ей житейскую мудрость:

– Последнее это дело – изображать из себя Господа Бога и вмешиваться в чужую жизнь. Опасное это занятие. Смотри, не пожалей!

На эту чушь Люк даже отвечать не стал, лишь рассеянно

посмотрел в окно. Они уже подъезжали к его отелю, и он торопливо спросил:

– Как у вас со следующей встречей?

Чуть зевнув, прикрывая рот узкой ладонью, она хмуро пояснила:

– Нормально. Я позвала их – обоих, естественно, – завтра на новую выставку в галерею современного искусства. Пообещала, что приду с Луиджи. Но Джейн не сможет, у нее занятия, а Макс как примерный друг без нее якобы не пойдет.

– Понятно. Вы договорились о свидании в присутствии заинтересованного свидетеля. Круто. А ты уверена, что он понял?

– Конечно. Он далеко не простака, как ты, видимо, думаешь.

Люк никогда соперника простаком не считал, он считал его мерзким типом, не достойным такой милой девушки, как Джейн Кендал.

Договорившись, что Глория будет держать его в курсе своих успехов, он распрощался с ней и этим же вечером улетел обратно в Чикаго, потом в Нью-Йорк, потом в Торонто, стараясь переделать все дела и освободить пару недель для Джейн, чтобы, когда понадобится, провести с ней своего рода медовый месяц.

Глория звонила ему почти каждый день и жаловалась, что его задание оказалось вовсе не таким простым, как ей казалось.

– Представляешь, Луиджи устроил мне сцену ревности! Это просто смешно! Можно подумать, что он для меня что-то значит! По-моему, я сделала для него вполне достаточно, пристроив во второсортный боевик! Для него и этого много!

– Но, может, он тебя и в самом деле любит?

Глория была крайне удивлена подобной глуповатой сентиментальностью.

– Ты что, смеешься? Любая женщина чувствует, когда ее любят, а когда используют. Ну так вот, меня он просто использует! И ничего более!

Эта мысль запала в душу Люку и долго потом не давала покоя. Неужели Джейн не понимает, что дружок ее тоже просто использует? Или они действительно настолько сроднились за время тяжелого детства, что сейчас не мыслят жизни друг без друга? Джейн-то уж точно. Это было неприятно, потому что добавляло трудностей в его и без того сложное дело. Но он упрямо ждал своего часа. И дождался.

Однажды вечером, уже довольно поздно, прозвенел звонок. Люк посмотрел на дисплей. Звонила Глория. Он весь подобрался, поняв, что наступил час икс – обычно так поздно она никогда не звонила. Проговорив приглушенным шепотом:

– Милый, он здесь. С вещами. Он ушел от Джейн. Правда перед этим мне пришлось выставить Луиджи. Он, бедняга, даже плакал. Так что ты должен мне много больше, чем те дурацкие расписки! – Она прекратила разговор, и в трубке

запищали торопливые гудки отбоя.

Люку захотелось петь, прыгать и почему-то что-нибудь разбить. Не сдержавшись, он пару раз подпрыгнул, потом пошел в бассейн. Уже проплыв несколько раз свою дорожку, подумал о слезах Джейн, и его радость угасла. Но ничего. скоро он приедет к ней, утешит – и для нее начнется другая жизнь. Потом она сама благодарить его будет.

Чтобы не вызвать у Джейн ни малейших подозрений, Люк дождался сообщений в газетах о новом любовнике Глории Линн и лишь потом прилетел в Лос-Анджелес.

Джейн не могла понять, что она сделала не так. Она всегда изо всех сил старалась помочь Максу осуществить его мечту. Его, не свою. Сама она всегда мечтала о другом. Он почему-то считал, что предел ее мечтаний – крепкая семья, любимый и любящий муж, хорошие здоровые дети. Но это было вовсе не так. Может быть, потому, что она никогда не жила в этой самой дружной и любящей семье и не знала, что такое семейное счастье.

Джейн мечтала совсем о другом – о музыке. Чудесной музыке, которая порой звучала в ее ушах и которую ей время от времени удавалось воплощать в гитарных звуках. Она даже записывала ноты, если считала, что песня и в самом деле удалась. Но это было такой мелочью против настоящего таланта Макса, что не стоило внимания. И она сделала все, чтобы помочь своему другу, а не себе.

Так почему, почему он от нее ушел?

Хотя Макс был в своем праве – он никогда ей ничего не обещал, тем более жениться. В глазах общества он свободный молодой мужчина, не связанный обязательствами. Может поступать как хочет. К тому же он поступил вполне благородно – оставил ей немного денег и пообещал помогать по мере сил. И живет она в доме, снятом на его деньги. Правда через пару месяцев аренда кончится и придется подпис-

кать что-то попроще. А вот работу нужно найти уже сейчас. О возвращении в бар даже думать не хочется. Но, возможно, удастся найти что-нибудь попримечнее. Она ведь никакой работы не боится.

В голове возник образ Люка Брэтта, говорящего ей о ее одиноком будущем. Как в воду глядел. Хотя это и понятно – у него большой жизненный опыт. Не сделала ли она глупость, отказавшись от его предложения? Но в голове тут же возник образ оставившего ее красавчика, и мысли вновь заскользили по единственному кругу – за что? За что Макс так подло ее предал? Хотя сам он и не считал, что ее предает. Как он сказал, прощаясь?

– Мне придется уйти, Джейн. Мне нужна поддержка, которую ты мне дать не можешь. – Джейн не могла понять, когда это она не оказывала ему поддержку, и он поправился: – Вернее, не поддержку, а протекцию. Сама понимаешь, без нее пробиться очень трудно. Но ты не волнуйся, это не конец. Скоро я разбогатею и вернусь. У нас с тобой все впереди. – И ушел, небрежно чмокнув ее в щеку.

Она не поверила его словам о возвращении – жалея ее, Макс просто пытался смягчить расставание. Но внушать ей призрачные надежды еще подлее. Когда он стал таким равнодушным, таким холодным? В приюте, защищая ее от кулаков озлобленных на весь белый свет мальчишек, он был добрым и отзывчивым. А теперь? Неужели таким его сделал Голливуд? Эх, если бы знать, что будет, она никогда бы

не согласилась ехать с ним в Лос-Анджелес, отказываясь от стипендии государственного университета в Топике. Какая же она дура! Но она так любила Макса, больше, чем родных, которых у нее никогда не было...

Ей припомнилась их первая встреча. Ей было семь лет, ее перевели из приюта в Уичито, который был переполнен, в Эльдorado. После привычного ей – пусть не райского, но вполне сносного – уклада она попала в ад. Муштра там была как в армии. Почему-то попечители считали, что брошенных детей нельзя баловать. Возможно, это объяснялось тем, что во главе совета попечителей стоял генерал в отставке. Его единственной целью был порядок во всем.

То ли от бесконечных придилок, то ли потому, что сюда присылали самых проблемных детей штата, но среди воспитанников царили зверские порядки. Малышей бессовестно обижали старшие, порой даже били, отбирая еду. Джейн помнила, как часто она ложилась спать голодной, не смея никому пожаловаться. Жить стало легче только после появления в приюте крупного мальчика старше ее на три года. В то время ей было лет десять и у нее совсем не было подруг. Возможно, потому, что в приюте почти не было белых детей. Макс Хартли, как и она, был белым, и это сразу их объединило. Когда наглый и уверенный в себе Томас, метис неизвестных кровей, попробовал, как обычно, отобрать у нее выданное за ужином яблоко, он спокойно сказал:

– А ну, оставь ее в покое!

Томас свирепо оскалился, демонстрируя, кто здесь главный, но на Макса, выросшего в подворотнях Арканзас-Сити, это никакого впечатления не произвело. Когда Томас попытался его ударить, он ответил таким безжалостным нокаутом, что больше в приюте к нему никто не приставал.

Улыбнувшись Джейн, он уверенно посоветовал:

– Ешь, не бойся! Больше тебя здесь никто обижать не будет, я об этом позабочусь! – и пристальным взглядом обвел собравшихся вокруг парней, подчеркивая внушительность своих слов. Глядя на тихо лежащего на земле Томаса, возразить никто не решился.

Благодаря Максу жизнь для Джейн превратилась в почти сносную. Поскольку он был не только силен, но и красив, то к двенадцати годам у Джейн завелись приятельницы, которые, правда, хотели не с ней дружить, а с ее помощью быть поближе к своему кумиру, но уж лучше такие друзья, чем вообще ничего.

По достижении восемнадцати лет Макс ушел из приюта, но обитал поблизости, подрабатывая по мере необходимости то здесь, то там, и дождался, когда подружке тоже исполнится восемнадцать, чтобы уехать с ней в Лос-Анджелес – мечту всех начинающих артистов. Ему несколько раз довелось играть в разных благотворительных постановках, и он понимал, что Господь дал ему талант. Убедив Джейн отказаться от предложенной ей университетом стипендии, он увез ее на Тихоокеанское побережье, где стал с трудом ка-

рабкаться по артистическим подмосткам. Счастье улыбнулось ему тогда, когда от участия в массовках он перешел на вторые роли, от которых до настоящего артиста было уже рукой подать.

Все эти годы Джейн, как могла, поддерживала его, забывая о себе. И вот, как выяснилось, напрасно. Хотя почему напрасно? Для Макса ее самоотверженность была вовсе не напрасной: еще немного – и он станет знаменит. И она считала, что это совершенно справедливо – ведь он такой талантливый! Но вот только как дальше жить ей? Одной, без опоры и защиты? Она так привыкла, что рядом с ней уверенный в себе и сильный, всегда знающий, что нужно делать, Хартли.

Вздохнув, Джейн принялась собираться в колледж. Если удастся благополучно его закончить, она сможет найти работу секретаря в каком-нибудь приличном месте и учиться дальше. Как ей хотелось учиться! Но теперь все ее дальнейшие планы стояли под вопросом. Хорошо, если она хотя бы сможет доучиться в колледже, остался всего один курс. Его можно окончить и раньше, сдав все предметы заранее, – но где на это взять деньги?

Она вяло шла по Олвер-стрит, скользя безразличным взглядом по красивым старинным домам, когда ей показалось, что навстречу идет Люк Брэтт. Ей стало так стыдно, что она заметалась, не зная, куда спрятаться от его пронизательных глаз. Завидев впереди небольшое кафе, она совсем уж было нырнула в него, но ее остановил его мягкий окрик.

– Джейн! Подожди минутку!

Она нехотя замерла, с напряжением ожидая, когда Люк подойдет поближе. Едва поздоровавшись, протараторила:

– Извините, но мне некогда. Я спешу на занятия.

Он поклонился, но в его вежливом поклоне ей почудилась насмешка. Покраснев, она попыталась его обойти, но он не сдвинулся с места.

– Ты же, кажется, хотела зайти в кафе?

Распрямив плечи, она с достоинством пояснила:

– Очень хочется пить. Жарко...

Люк спокойно подтвердил:

– Да. Чрезвычайно. Не против, если я к тебе присоединюсь?

Чуть пожав плечами, Джейн подошла к барной стойке и заказала бокал оранжада. Люк попросил стакан свежесжатого сока грейпфрута.

Быстро выпив напиток, Джейн попрощалась и хотела бежать, но Люк перегородил ей дорогу.

– Думаю, нам надо поговорить. Приходи после занятий к моей гостинице, если, конечно, это удобно. Или встретимся в другом месте.

Джейн хотела отказаться, но его глаза не просили, они требовали, и она не посмела сказать «нет». Возможно, это были последствия сиротского детства, но она не могла не подчиниться приказу. Привитая приютом жесткая дисциплина не предполагала возражений.

Смирно просидев на занятиях и усердно законспектировав все, что говорили преподаватели, Джейн вышла из колледжа и тут же окунулась в ужасный калифорнийский зной. Даже свежий океанский ветер с залива не приносил облегчения. Шорты и топик пропитались потом и прилипли к телу. Пришлось ехать в Беверли-Хиллз, принимать душ и переодеваться.

Пока Джейн мыла голову и сушила волосы, она пыталась вычислить, для чего ее пригласил к себе этот властный и очень красивый мужчина. Ехать к нему не хотелось, но что-то говорило ей, что он все равно не оставит ее в покое. Может, все-таки поехать и, как говорится, расставить все точки над «i»? К тому же вряд ли он будет повторять свое прошлогоднее предложение, так что бояться ей нечего. Такие, как он, ничего не делают дважды.

Чтобы было не так жарко, Джейн надела короткий сарафанчик без бретелек и тонюсенькие стринги, решив на этот раз обойтись без лифчика. Она бы с удовольствием пошла босиком, но раскалившаяся под жарким солнцем мостовая Старого города могла запросто сжечь подошвы, поэтому пришлось надеть легкие сандалии без каблука, но на плотной подошве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.